

Хеллоуин.

Истории глиняной тыквы

Глория Голд

Глория Голд Хеллоуин. Истории глиняной тыквы

<https://litres.ru/74684152>

SelfPub; 2026

Аннотация

Глиняная тыква на каминной полке старого дома – не просто безделушка. Её слепила пра-пра-пра-бабушка Элизабет в голодной Ирландии и привезла через океан в Америку в сундуке вместе со сменой одежды и шерстяным шарфом. С тех пор тыква переходит из поколения в поколение, хранит семейные тайны и умеет беседовать. Но только с теми, кто готов слушать.

В один ветреный октябрьский вечер она рассказывает детям Тиму и Лизе всё: от древнего кельтского Самайна и легенды о скупом Джеке до забавных случаев из жизни Хартов – про дедушку Генри, сражавшегося с гусаксом в глиняном «шлеме», про бабушку Мэри и пирог с горчицей, про дядю Фрэнка, чуть не сжёгшего гараж ради индейки.

Добрая и смешная история о памяти, семье и о том, что даже в самую тёмную ночь есть свет – в свече, в камине и в тех, кого мы чтим и помним.

Глория Голд

Хеллоуин. Истории глиняной тыквы

Дом на холме всегда пах осенью. Даже в июле, когда за окнами стояла такая жара, что птицы падали с проводов в обморок, а асфальт плавился и прилипал к подошвам, в этом доме пахло мокрыми листьями, корицей и старым деревом. Бабушка Мэри говорила, что это не запах, а память. Дом помнит осень, даже когда на дворе лето, и делится этой памятью со всеми, кто в него заходит. А уж в конце октября...

В конце октября дом пах по особому. Тыквенным пирогом, который бабушка Мэри пекла в количестве, достаточном для прокорма небольшой армии, – она всегда говорила, что лучше испечь лишний, чем потом краснеть перед гостями. Воском от свечей, которые зажигали в каждом окне, – не для красоты, а потому что так делала ещё пра-пра-пра-бабушка Элизабет, а традиции в этой семье чтили крепче, чем иные чтут законы. Яблоками, которые никто не ел, но которые лежали в каждой вазе для настроения, – бабушка Мэри утверждала, что яблоко в вазе создаёт «осеннее ощущение», и с этим никто не спорил. И – самое главное – камином. Тёплым, живым, чуть дымным запахом горящих берё-

зовых поленьев, которые дедушка Генри колол сам, хотя ему давно уже следовало бы поручить это кому-нибудь помоложе. Но дедушка Генри говорил, что колка дров – это «гимнастика для души», и продолжал махать топором с упорством, достойным лучшего применения.

Но был в этом доме один запах, который не всякий гость мог уловить. Густой, сладковатый, чуть пыльный – запах обожжённой глины и старой глазури. Он шёл от каминной полки. Там, на самом верху, среди забытых подсвечников, медных безделушек, одинокой шахматной фигурки, трёх пуговиц неизвестного происхождения и коробки из-под печенья, в которой хранились пуговицы уже известного происхождения, сидела Она – Глиняная тыква.

Она была далеко не красавицей. Бока неровные, словно гончар лепил её в спешке или, скажем честно, после хорошего обеда с сидром. Глазурь кое-где потрескалась от времени, покрылась сеточкой мелких морщинок, как лицо человека, который много смеялся или много плакал. Один глаз у неё был чуть больше другого, а улыбка вышла кривоватой – словно мастер, создававший её, очень спешил или был слегка навеселе. На макушке у неё красовалась маленькая вмятина, которую все принимали за художественную деталь, но которая на самом деле появилась в тысяча восемьсот шестьдесят каком-то году, когда тыква упала с полки и стукнулась

о кочергу.

Но для семьи Хартов эта тыква была важнее любого антиквариата, фамильных драгоценностей и, пожалуй, важнее телевизора. Её сделала пра-пра-пра-бабушка Элизабет – женщина с сильными руками, громким смехом и привычкой говорить всё, что думает, невзирая на последствия. В Ирландии, откуда она была родом, таких женщин называли «женщинами с характером» и уважали. В Америке, куда она приехала, таких женщин называли «трудными» и тоже уважали, но издалека. Элизабет слепила тыкву из глины, которую набрала на берегу реки, и сказала: «Это будет мой талисман и память о доме». И с тех пор тыква переходила от матери к дочери, от отца к сыну, переживая века, войны, переезды, ремонты, три пожара (два настоящих и один – когда дядя Фрэнк решил пожарить индейку в гараже) и бесчисленные семейные ссоры, которые всегда заканчивались одинаково: все мирились, садились пить чай, и кто-нибудь обязательно говорил: «А помнишь, как дядя Фрэнк...»

Тыква всё видела и помнила. Она помнила, как Элизабет плакала в первую зиму в Америке, потому что было холодно, голодно и одиноко. Помнила, как Элизабет смеялась, когда родился первый ребёнок, как дедушка Генри в детстве надевал её на голову и объявлял войну гусаку. Помнила, как бабушка Мэри пекла пирог с горчицей и как папа Тима и Лизы

прятал конфеты в носке. Она помнила абсолютно всё.

И, как выяснилось в один особенно ветреный вечер, тыква умела говорить.

Тот вечер начался совершенно обычно. За окном завывал ветер, такой сильный, что старый дуб у калитки скрипел, как несмазанная дверь в замке с привидениями, а ветки царапали стекло с упорством кошки, которая очень хочет войти. Дождь стучал по стеклу, и казалось, что кто-то очень настойчивый просится в дом – но, когда Лиза подбегала к окну и выглядывала на улицу, там никого не было. Только дождь и осенний ветер.

В гостиной пахло имбирным печеньем, которое бабушка Мэри только что достала из духовки, и все эти запахи смешивались с дымом камина в один большой, уютный, тёплый комок. Дедушка Генри сидел в кресле с газетой, но газету он не читал – он делал вид, что читает, а на самом деле подглядывал за детьми и улыбался в усы. Бабушка Мэри хлопотала на кухне, напевая что-то старинное, ирландское, что она слышала от своей бабушки. Мама раскладывала на столе свечи. Папа был на работе – он обещал вернуться к ужину, но пробки в этот вечер были особенно злыми.

Дети – десятилетний Тим и восьмилетняя Лиза – разве-

шивали гирлянды из бумажных призраков. Тим, который считал себя уже почти взрослым, делал это с видом человека, которому поручили важное, но смертельно скучное дело. Он вешал призраков ровно, аккуратно, на одинаковом расстоянии друг от друга, и время от времени отходил на шаг, чтобы оценить результат. Лиза же подходила к процессу творчески: она вырезала призраков с разными выражениями лиц – один удивлялся, другой зевал, третий явно собирался чихнуть, четвёртый был явно чем-то обижен, а пятый, самый маленький, улыбался так, будто только что съел последнее печенье и был очень этому рад.

– Тим, а если призрак простудится, он чихает или просто становится прозрачнее? – спросила Лиза, отрезая очередному привидению нос.

– Призраки не болеют, – ответил Тим, не отрываясь от гирлянды. – У них нет тела.

– А как же тогда призрак папы, когда он на работе задерживается? У него же лицо красное.

– Это не призрак, это папа. Просто он злится на пробки.

– А почему он злится?

– Потому что пробки – это зло.

– А призраки – это зло?

– Призраки не злые и не добрые. Они просто... призраки.

– А тыква? – Лиза кивнула на каминную полку. – Тыква – это зло?

Тим посмотрел на тыкву. Тыква стояла на полке с самым

невинным видом, на который только способно глиняное изделие с кривой улыбкой.

– Тыква – это тыква, – сказал он. – Она просто стоит тут сто лет и ничего не делает.

– А вдруг она что-то делает? – задумчиво сказала Лиза. – Вдруг она всё видит и всё запоминает?

– Тыквы не запоминают. У них нет мозгов. – упрямо сказал Тим.

– А у тебя есть?

Тим не нашёл, что ответить, и решил проигнорировать этот вопрос. Он повесил последнего призрака и отошёл на шаг, чтобы полюбоваться результатом.

Лиза хихикнула и потянулась за ножницами, которые лежали на каминной полке – прямо рядом с глиняной тыквой. И в этот момент ветер особенно сильно ударил в окно. Стекло задребезжало. Пламя свечи на столе дёрнулось. А тыква..., как показалось Лизе, чуть шевельнулась и как будто вздохнула. Девочка замерла с ножницами в руке.

– Тим, – прошептала она. – Тыква двигается.

– Тыквы не двигаются, – сказал Тим тоном человека, который знает всё на свете, потому что ему уже десять.

– Эта двигается. – Настаивала Лиза.

– Это сквозняк.

– Тим, у неё глаза...

– У неё нарисованные глаза. Это же глина.

– Тим, она смотрит на меня.

– Тыквы не смотрят. Они просто... существуют.

Тим вздохнул так тяжело, как умеют вздыхать только старшие братья, которым приходится объяснять очевидные вещи младшим сёстрам, и обернулся. Он собирался сказать что-то очень умное и очень взрослое, что-то вроде «Лиза, прекрати выдумывать, ты уже большая». Но не сказал. Потому что в этот самый момент тыква вздохнула – тихо, протяжно, с таким звуком, словно кто-то очень старый и очень уставший наконец-то решил, что пора что-то сказать. С её макушки слетела пылинка и медленно опустилась на ковёр. И в наступившей тишине было слышно, как в камине треснуло полено.

Лиза выронила из рук ножницы, а Тим – гирлянду. Бумажные призраки спланировали на пол и лежали там, глядя в потолок с выражением крайнего изумления – что, в общем-то, полностью отражало лица детей.

– Кхм, – раздался тихий, скрипучий голос, похожий на звук открывающейся дверцы старого шкафа, в котором давно завелись мыши. – Дети, подойдите ближе. Мой голос уже не так силён, как раньше.

Тим и Лиза испуганно переглянулись.

– Ты... – начал Тим.

– Да, да, – перебила его тыква. – Я говорю. И я, между

прочим, жду, а у меня, знаете ли, не так много времени. Я же глина. А глина имеет свойство высыхать. Так что давайте, подходите. Я не кусаюсь, я же всего лишь тыква.

Надо отдать детям должное: они не закричали. Тим потом объяснял это тем, что в их семье кричать на неодушевлённые предметы считалось дурным тоном. А Лиза – тем, что от испуга у неё пропал голос. Бабушка Мэри, когда узнала об этом позже, сказала, что дети просто «унаследовали выдержку Хартов», а дедушка Генри добавил, что «выдержка Хартов – это когда ты боишься до смерти, но виду не подаёшь, потому что неприлично». Как бы то ни было, оба замерли и уставились на каминную полку.

Тыква смотрела на них сверху вниз – вернее, так казалось, потому что один её глаз был выше другого – и улыбалась своей кривоватой улыбкой.

– Ну? – сказала она. – Долго вы там будете стоять, как два суслика у норы? Садитесь у огня. У меня ноги затекли. Ах да, у меня нет ног, тогда просто садитесь.

Тим и Лиза, не сговариваясь, опустились на ковёр перед камином. Ковёр был старый, с потёртым узором, и пах пылью и собаками, которые когда-то в этом доме жили. Лиза села по-турецки. Тим сел, вытянув ноги, и постарался придать лицу выражение «я тут просто так, я ничуть не удивлён».

– Ты... ты говоришь? – прошептал Тим.

– Говорю, говорю, – фыркнула тыква, отчего с неё слетела ещё одна пылинка. – И не такое видала. Ты вот, мальчик, думаешь, что ты первый умник в этой семье, который решил, что глиняная посуда – это просто посуда? А я, между прочим, разговаривала с твоим пра-пра-пра-пра-дедушкой, когда он ещё пешком под стол ходил. Ну, то есть я стояла на полке, а он ходил. Он был маленький, а я уже тогда была не первой молодости. Так что давай без этих твоих «ты говоришь». Я не «говорю», а беседую – это большая разница.

Лиза хихикнула. Страх её как-то сразу прошёл – потому что голос у тыквы был ворчливый, но добрый, как у старой тётушки, которая всё время жалуется на радикулит, но при этом печёт лучшие в мире пироги и всегда оставляет тебе кусочек побольше.

– А ты кто? – спросила Лиза.

– Я – Тыква, – с достоинством ответила тыква. – Глиняная Тыква. Хранительница истории семьи Хартов. Летописец, можно сказать и, не побоюсь этого слова, главный эксперт по Хэллоуину в этом доме. Хотите узнать, откуда взялся ваш любимый праздник? И почему вы каждый год вырезаете эти ваши оранжевые шары с лицами?

– Хотим! – хором сказали дети.

– Тогда слушайте, – сказала тыква, устраиваясь поудобнее (насколько может устроиться поудобнее глиняное изделие на каминной полке). – Всё началось задолго до того, как этот

дом был построен. Даже задолго до того, как ваш пра-пра-пра-дедушка выменял у соседа того гуся, о котором я вам потом расскажу. Всё началось в землях, где зимой солнце почти не встаёт, где море бьётся о скалы, а люди с рыжими волосами и громкими голосами отмечали праздник, который назывался...

Тыква сделала драматическую паузу. Дети затаили дыхание.

– А почему ты вообще решила с нами заговорить? – вдруг спросил Тим. – Ты же сто лет молчала. Почему сейчас?

Тыква задумалась. Было слышно, как в камине потрескивают дрова.

– Хороший вопрос, мальчик, – наконец сказала она. – Я ждала. Пока в доме есть дети, которые умеют слушать, я жду. Но сегодня особенный вечер. Сегодня канун Хэллоуина. И сегодня я почувствовала, что вы готовы. Ты, Тим, уже достаточно взрослый, чтобы не смеяться над говорящей тыквой. А ты, Лиза, достаточно маленькая, чтобы ещё верить в чудеса. Это редкое сочетание. Обычно бывает наоборот: маленькие не верят, а взрослые смеются. А вы – верите и не смеётесь.

– А что будет, если мы засмеёмся? – спросила Лиза.

– Тогда я замолчу и буду молчать ещё сто лет. Я очень терпеливая.

– Мы не будем смеяться, – твёрдо сказала Лиза. – Правда,

Тим?

– Не будем, – согласился Тим, хотя было видно, что ему очень хочется.

– Хорошо, – сказала тыква. – Тогда слушайте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.